

О (НЕ)ВОЗМОЖНОСТИ САМОУБИЙСТВА В ФИЛОСОФИИ XIX И XX ВЕКОВ*

К.А. Родин

Томский государственный
университет

rodin.kir@gmail.com

Статья деконструирует аргументы новоевропейских философов против самоубийства. Показано, как ключевые концепты Гегеля, Шопенгауэра и Кьеркегора опосредуются темой (не)возможности добровольной смерти, и выявлена их основа – новоевропейская метафизика субъективности. Рассмотрены продолжение метафизики субъективности в католической теологии XX века на примере Ж.-Л. Мариона и выход к иному пониманию самоубийства в философии Витгенштейна и свидетельстве П. Леви.

Гегель определяет субъективность как нечто негативное, возникающее в результате отрицания налично-данного и являющееся результатом такого отрицания. Осознание субъектом негативности и решимость принять смертность – скрытый двигатель истории человеческого общества. Отсюда аргумент Гегеля против самоубийства будет таким: самоубийство невозможно, раз отрицает силу негативного, которая произвела субъект, а значит, отрицает то, благодаря чему отрицание стало возможным. Данный парадокс невозможности самоубийства встречается в других контекстах у Шопенгауэра и Кьеркегора. Вместо бессмысленного отрицания силы негативности якобы необходимо разрешить ее в гражданство, государство и признание (Гегель), отказ от воли (Шопенгауэр) или предстояние перед Богом (Кьеркегор). Самоубийство же – своего рода бесплодное приложение негативности. За запрет на добровольную смерть отвечает логика новоевропейской субъективности, которая определяет и вышеперечисленные философские концепты. XX век предлагает иную оптику. Самоубийство через обращение к недоступному радикальному опыту Другого мыслимо вне рамок новоевропейского субъекта.

Ключевые слова: самоубийство, негативное, отчаяние, месть, субъективность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-67-75

0. Смерть, страдание, вина, ненависть, радость, пребывание-в-любви – предельные черты человеческого опыта – составляют проклятие, мрачную власть субъективности, удерживающую нас на границе сознания, памяти и истории. Человек – «пустое ничто... ночь, внутреннее природь» (Гегель). Диалектика субъективного и объективного точно отметила яркость и нищету смерти: тема свободы, субъекта и человеческой конечности остаются внутри Системы, созданной Гегелем, или хотя бы вну-

три ее обломков. Даже Мишель Фуко (если мне будет позволено такое прочтение) в «Герменевтике субъекта» и текстах, посвященных «способам быть субъектом», заботе о себе, пытается мыслить – против дискурсивного и часто религиозного забвения мрачности предельного в пользу еще более мрачного отчуждения и благодушия – **практику** надежды, дружбу, которая могла бы **не-**действовать силой негативности, но осуществлять жизнь, отстраняясь от слепого производства субъективности. Но и для

* Работа выполнена при поддержке РФНФ. Проект №14-53-00001.

Г.В.Ф. Гегеля самопрозрение духа исполняется в практике, только надежда в Системе оставлена не за дружбой, а за гражданством, государством и признанием.

Дискурсы, вращающиеся вокруг общей логики, но обусловленные историческим или авторским контекстом (соответственно, они имеют различные концепты), я буду называть случайными содержаниями. Так гегелевская диалектика раба и господина применяется Сартром к теме садизма, а также используется, к примеру, в семинарах Лакана (тема раба и господина, возможно, только исторически первична, но в действительности случайна, как и однородные темы). Самоубийству – невозможному самопротиворечивому моменту свободного обретения субъективности как чистого отрицания и ничто – в виде косвенного и неявного ответа на вопрос о том, почему мы остаемся при жизни или должны жить – соответствуют определенные случайные содержания, которые я и намереваюсь кратко обрисовать.

1. У Гегеля. Свобода – продукт отрицания налично-данного – заканчивается вместе с жизнью (иначе: положительного содержания, кроме содержания отрицаемого, в субъекте нет). Человек, совершающий в самоубийстве отрицание субъективности, тянет себя за волосы, наступает себе на горло и производит пародию на недостижимую немощь. Абсолютная свобода – ничто и смерть. Субъект свободен по **способности** умереть. Иначе говоря, бытие-к-смерти, смертность, конституирует тюрьму свободы, бежать откуда никому нельзя. Гегеля же интересует не тюрьма, но **мощь** субъективного, обретаемая сознанием конечности. Отсюда возникают случайные содержания, описание которых я заимствую из работы Александра Кожева.

«а. ...Негативность, взятая сама по себе, это чистое Ничто (в онтологической плоскости). Это Ничто ничтожествует в бытии в качестве Действия...

б. ...только в Борьбе, где мощь Негативного проявляется в том, что человек по своей воле идет на смерть, или в том, что он испытывает страх, рожденный осознанием смерти, создает человек свое человечество.

в. Отрицание (налично-данного) реально только как... сделанное дело. Революционер уничтожает себя лишь в той мере, в какой ему удастся сохранить свое отрицающее действие, закрепив его на себестождественности бытия, которую пронесит через отрицание память или традиция...
...Свобода осуществляется только как история... человек может быть свободен лишь в той мере, в какой он историчен.

г. ...Именно война, несущая смерть, обеспечивает историческую свободу и свободную историчность Человека. Человек историчен настолько, насколько действительно он участвует в жизни Государства, и высшей формой такого участия будет добровольный риск жизнью на войне...» [6, с. 681, 683, 694, 697].

Возможность самоубийства подтверждает свободу («человек может отказаться от всего, даже от своей жизни» [5, с. 71]), но в качестве свободного осуществления не годится: я не хозяин своей жизни, «всеохватывающая тотальность действия» не может стать внешней индивиду. Именно так говорит Гегель. Однако за пределами контекстуального интереса случайных содержаний государства, революции, мировой воли (Шопенгауэр) субъект – нетрудно видеть – это призрачный образец производства несчастного сознания, которое предопределяет возможные «способы» действия-

в-истории: преодоление налично-данного и возвращение к невозможности события свободы. Шопенгауэр – беру в качестве примера – иначе, но поддерживает ту же мощь субъекта. Ложное, по Шопенгауэру, преодоление мировой воли сведением счетов с жизнью – действие самой мировой воли, породившей субъект с намерениями и действиями. Сострадание же заставляет разделить с другими в общечеловеческой тюрьме смерть, вину, ненависть, любовь и радость.

2. Занятная метаморфоза происходит с Кьеркегором. Аналитика отчаяния вращается у него вокруг отношения индивида к действительности и представляет вариации на гегелевскую тему синтеза бесконечного и конечного. Кроме того, Кьеркегор выстраивает градацию в осознании Я, где высшая ступень обозначена риторической фигурой «предстояние перед Богом». К слову, определение греха как «отчаяния перед Богом, когда не желают быть собою или же когда желают быть собою» (см. [77]) утверждает неотъемлемую сознательность греха. Обнаружение себя перед Богом – это последнее звено в цепи |отчаяние → сгущение отчаяния и осознание Я → сгущение Я перед Богом, согласно с мерой, полагаемой идеей Бога|. Отчаяние выступает случайным содержанием субъективности, ведь, отчаиваясь, субъективность сознает свою негативность, осознает себя в качестве лишь негативного.

Я последую за мыслью Кьеркегора, когда он говорит, что безнадежность открывает «отсутствие последней надежды» [7, с. 34]. Отчаяние разыгрывает комедию, потому что человек не может ни стать собой в полной мере (подчинить условия собственной возможности), ни прекратить того, чем является в силу невозможности собственной

смерти. Настоящая смерть связана с прекращением силы «вечного» в субъекте, благодаря которой существует субъективность (вместе с намерениями себя прекратить). Театральная вечность новоевропейского субъекта. «...Отчаяние, этот бессмертный червь, огонь неугасимый, не пожирает моей вечности, которая как раз его поддерживает» [Там же, с. 35]. Но вдруг появляется Бог: «... растрчивает себя понапрасну только сознание», которое «никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, Я, иначе говоря, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога или же того, что само ... существует ради этого Бога» [Там же, с. 44]. Субъект обретает свободу ввиду невозможности или одной лишь пустой возможности смерти, решившись признать собственную смертность и негативность (а также бесплодность абстрактного отрицания негативности), отчаявшись в полной мере по поводу безнадежности отчаяния и перепоручивши свободу чудовищному ничто, которое свободу сотворяет и субъекта успокаивает (впрочем, Кьеркегор, наоборот, говорит о беспокойстве и возмущении): кровавой истории идолов и представлений. Во многом власть такой субъективности – христианское изобретение, и поэтому можно говорить о христианском типе самоубийства на пике сознающего отчаяния. Не менее озадачивает Кьеркегорово достижение веры: «обращаясь к себе самому, стремясь быть собой... Я погружается через собственную прозрачность в ту силу, которая его полагает» [Там же, с. 66]. Созерцание стен тюрьмы наполняет своего узника нездешним светом свободы. Столкновение со смертью – у Кьеркегора, как и у Гегеля – вызывает к осознанию негативности, а конечность и отчаяние как «субъек-

тивнейшее» в субъекте открывают (это, возможно, дар истории, Бога, чего угодно) неведомую необходимость противоречивой внутренней трансценденции субъекта.

3. От невозможности присвоить предшествующее субъекту, присвоить жизнь и речь, которые говорят через нас, проистекает странная тема немислимости. Кьеркегор полагает немислимыми индивид, грех, откровение и христианство. От немоци субъекта возбуждается в нем возмущение, суть которого в необходимости «откровения Божьего, чтобы наставить человека о природе греха» [Там же, с. 113]. Человек мыслит, прозревает невозможное, или, иными словами, прозревает то обстоятельство, что помимо воли субъекта в нем мыслится нечто для-него-невозможное и непосредственно-для-него-немислимое. Государство Гегеля, сострадание Шопенгауэра, откровение и вера Кьеркегора выступают случайными содержаниями, приложениями субъективности. Ничто не мешает в качестве еще одного выходящего-за-пределы-субъективной-воли невозможно предложить мыслимую во мне возможность свободного самоубийства. Я хочу сказать, что философия Кириллова, несмотря на продолжающуюся в ней комедию ново-европейской субъективности, не хуже альтернативы в виде «высшей идеи бессмертия души» (Достоевский в «Дневнике» связывает самоубийство с утратой такой идеи).

Бланшо: сумел ли самоубийца «сделать так, чтобы даже смерть стала для него силой отрицания моментом высшей возможности... Или же в итоге его опыта все перевернулось: он умер, но так и не смог умереть, сама смерть обрекла его на невозможность умереть». И еще: «Кто хочет умереть – не умирает, а теряет волю к смерти, вступает в завораживающий мрак, где и

умирает в безвольной муке» [2, с. 97, 103]. Но разве верующий в Бога не обеляет и не именуется черное пятно внутри себя, именованьем себя же и только вызывая к жизни... Обратное: разве не через воображаемый отказ от субъективного думает верующий субъект достичь Бога? Симона Вейль: «Отче, поскольку Ты – Благо, а я – ничтожество, забери у меня тело и душу и сделай их чем-то пригодным для тебя, и пусть в вечности от меня останется или то, что ты возьмешь, или не останется вовсе ничего» [3, с. 144]. Таким образом, идея Бога, бессмертия, веры и прочее на уровне тематизируемого случайного содержания не отличается от идеи (не)возможного (не)мыслимого самоубийства.

4. Католический теолог Жан-Люк Марион в работе «Prolegomena to Charity» рассуждает об отношении зла (или, вернее, еще одной идеи зла) и добровольной смерти. Первая реакция при встрече с содеянным в отношении субъекта злом связана, думает Марион, с желанием устранить зло, защититься вплоть до мести случайному и/или воображаемому обидчику. «В тюрьме субъективности, выстроенной страданием, первенство причины зла перед злом обращается в свою противоположность: именно испытанное зло... побуждает меня... защищаться вплоть до того, чтобы... придумать объективную причину и попытаться наконец ее устранить» [9, с. 199]. Не существует причины зла, которая располагалась бы абсолютно вне меня. Взаимообвинение и препирательство среди людей в меру участия подталкивает к изобретению объективной причины разочарований. Притягивающий «на абсолютную невиновность» и отказывающийся «претерпевать зло в себе» «передает его тотчас дальше», «снимает с себя вину только через обвинение других»

(205). В качестве альтернативы передаваемому по цепи злу нам предлагается согласие претерпеть зло внутри субъективности, без переноса на воображаемую причину. Отсюда субъект, претендующий на абсолютную невинность и отвергающий силу первородного греха, невольно продолжает творить грех и обвинять других. Такая логика применима к вероятно поздней вставке в Евангелие от Иоанна, где повествуется об отложенном побииении блудницы камнями.

Вот некоторые показательные отрывки на тему взаимосвязи самоубийства и мести:

а. ...убийство себя – воплощает триумф логики мести.

б. ...самоубийство есть венец эгоизма: абсолютная и всегда возможная месть, самоутверждение через самоотрицание, которое не зависит ни от чего, что нельзя было бы свести к ничто... убивая себя, я нахожусь... в том же самом положении, как если бы мстил всему миру: я оказываюсь господином по отношению к миру. Вот почему все мы воспринимаем самоубийство как соблазн – соблазн не самого ничто, но – через господство над ничто – соблазн абсолютного господства. Я убиваю себя... для того, чтобы отомстить миру.

в. Небытие притягивает и само по себе; но поскольку оно непосредственно подразумевает месть, а та – господство, господство же представляется мне – даже будучи лишено всякой реальности – силой, дающей мне возможность самоутвердиться, я желаю самоубийства потому, что таким образом надеюсь совершить **самоубийство**, т. е. обрести благо – самого себя (209-11).

Встречаем созвездие невозможной свободы, господства и пустого ничто в результате отрицания негативности субъекта – с добавлением мести, которая навеяна про-

блематикой ресентимента из ГЕНЕАЛОГИИ МОРАЛИ. Если под миром понимается всеобщее, то мир – мир людей, или субъективного, дискурсивного, разумного вообще, и субъект, будучи порождением синтеза конечного (налично-данного, биологического, слепого) и бесконечного (всеобщего), имеет призрачную власть отрицать всеобщее, благодаря ему же и существует в качестве субъекта. Самоубийство тогда вполне может быть случайно определено как месть миру, не отпускающему нас в абсолютно свободное плавание.

5. Подведу предварительный итог и процитирую Хайдеггера [10 с. 157]:

«... предельное вопрошание новейшей метафизики оказывается вполне определенным, а именно таким, что оно захватывает вопрошающего, но в негативном смысле, так, что само Я становится фундаментом всякого дальнейшего вопрошания».

Таким образом, обозначенная метафизика продумывает случайные темы, наделяя соответствующие концепты закономерностью, заимствованной из неизменной логики субъекта. Свобода, господство, вера, откровение, история, государство, спасительная любовь и нарастающая ненависть живут внутри тюрьмы новейшей субъективности и – по мере отстранения от самоубийства – с оборотной стороны оправдывают исторически определенный тип вольной смерти.

Теперь есть и будет все иначе, говорит Хайдеггер, но в то же время отмечает, что «воскрешение метафизики... христианские церкви еще раз используют для своих целей и к своей выгоде» [10, с. 88, 95] Определение самоубийства как триумфа логики зла удивляет метафизической вторичностью. Марион создает наставление и проповедует любовь для своих (разделя-

ющих (псевдо)христианскую субъективность) и служит своего рода современным при-мером.

Этически безобразным выступает скрытое всезнание, при котором субъект в силу разделяемой субъективности или говорящих наставительных речей свою воображаемую несвободу распространяет также и на другого. При этом странная неизбежность приписывается злу, а случайность – добру (обратное у Цветаевой: «мне прямая неизбежность – прощение обид»)¹: мы взываем неподвластной помощи свыше ради преодоления тотальной логики зла (и самоубийца, стало быть, как не-взывающий, проклят). Подчеркнем дискурсивность случайных содержаний, производных от невозможности свободной смерти (старая тема субъекта как функции дискурса), которые не пересекаются с **реальным** самоубийством – последнее не определяется различием между вечным Я и «низшими» уровнями бессознательного отчаяния субъекта (разве только человек накануне своей смерти возьмется рассуждать).

6. Я до сих пор следовал установке на разоблачение концептов, созданных вокруг невозможности самоубийства, с целью фиксации логики, управляющей постановкой самого вопроса. Вольная смерть рассматривалась Гегелем, Шопенгауэром и Кьеркегором в неразрывной связи с предельным, высоким, немислимимым и расценивалась как якобы ложный двойник предельного, своего рода обманка. Но самоубийство (не самоубийство **другого**, каждый сам решает за свое отношение к другому) – дело смешное и ничтожное. Прийти к подобному заключению – значит дать

¹ В литературе часто встречается странная закономерность во зле. Среди текстов, где бы деконструировалась такая «закономерность», я бы вспомнил ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН Л. Толстого.

сходную характеристику государству, отчаянию, вере, вечному Я и мести как триумфу передающегося по цепи зла (последнее сразу оправдано, потому что зло – против торжественной подачи католического теолога – и должно быть признано ничтожным).

Шопенгауэр приводит в пример гравиюру, на которой стоящий на коленях перед расстрелом солдат отгоняет собаку. Для Шопенгауэра это доказывает, что смерть – не более чем гибель явления: сущность жизнь, сознаваемая человеком в жесте заботы, продолжается в другом (в собаке). Преодоление субъективности и тема сострадания имеют основанием в метафизике Шопенгауэра волю как сущность мира. Субъект должен обрести свободу путем отказа от себя, но тем самым прочно обретает субъективность из-за самого действия отказа и обретаемой «свободы». Однако – и это будет справедливым даже в отношении Гегеля – можно подобрать цитаты, которые подтверждали бы, что логика субъективности дает лишь материал для философской работы, но не конституирует философию того или иного автора. Шопенгауэр прямо утверждает ничтожность субъекта (обоснование порочности самоубийства – особенно если взять в рассмотрение другого – не становится от этого правдоподобным).

Итак, самоубийство – это **ничтожное**, смехотворное обнаружение в свободе меня-субъекта. Похожее имеет в виду Людвиг Витгенштейн в короткой дневниковой записи [4, с. 149]:

«Если самоубийство дозволено, тогда всё дозволено. Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено... самоубийство есть, так сказать, элементарный грех...»

Шопенгауэру важен субъект: того требует и от того зависит метафизика воли. Витгенштейн, напротив, определяет Я без опоры на сознание, мышление, волю и тем отходит от новоевропейской субъективности. В «Трактате» Я определено как «мой мир». Витгенштейн игнорирует предельные человеческие аффекты вроде страха смерти, надежды или поиска смысла. (Счастливая) жизнь дана **в настоящем** (здесь Витгенштейн следует за Л. Толстым) как непреодолимая сцепка между Я и миром, и только мятущееся сознание воображаемого субъекта вырывает Я из жизни, надевая субъект страхами, надеждами, волей к смерти или жизни. «Смерть – не событие жизни. Смерть не переживается. Если под вечностью понимать не бесконечную временную длительность, а безвременность (Umzeitlichkeit), то вечно живет тот, кто живет в настоящем» [Трактат, 6.4311]. Самоубийство – это способ обнаружения себя в ничтожности субъективной свободы (и темпоральности), самовольный раздел «моего мира» на Я с аффектами и объект (мир как наличное и мир как мир людей). Для Шопенгауэра же раскол на субъект и объект – изначальная данность, которую нужно преодолеть.

7. Примо Леви, узник концлагеря, оставил нам, кроме и вместе со свидетельством, несколько абзацев о самоубийстве. В «Канувших и спасенных» он вспоминает Жана Амери [8]:

«Не без гордости и удовольствия Амери... рассказывает о ключевом для своей новой морали случае “ответного удара”, *Zurückschlagen*. Один уголовник, здоровенный поляк, просто так, без особого повода, ударил Амери по лицу. Тот не импульсивно, а вполне сознательно, в знак протеста против извращенной лагерной системы,

ответил ударом на удар со всей силой, на какую был способен.

...

Я восхищаюсь стойкостью Амери, его мужественным решением покинуть башню из слоновой кости и выйти на поле боя, но такое и по сей день не для меня. Я восхищаюсь, но должен подчеркнуть, что этот выбор продлил его Освенцим после Освенцима... он перестал чувствовать радость жизни, да и саму жизнь. Кто «меряется силой» со всем миром, тот возвращает себе погранное достоинство, но платит за это слишком высокую цену, потому что уверен в своем поражении».

Самоубийство Амери в 1978-м – это «ответ» («поражение») на «невозможность» разрушить нечто, создающее «скрытый» концлагерь и после Освенцима.

Агамбен пишет о футбольной игре в лагере между эсесовцами и зондеркомандой [1, с.26, 26]:

«...мы еще можем, вероятно, думать, что массовые бои закончились – даже если они повторяются здесь и там, не так уж далеко от нас. Но этот матч так и не закончился и, кажется, продолжается и в этот момент. Этот матч – совершенный и вечный символ “серой зоны”, которая не подвластна времени и находится везде. Отсюда происходят тоска и стыд выживших, “сидевшая в каждом тоска *tohu vavohu*, тоска пустынной, необитаемой вселенной, подвластной духу Божьему, но где нет человека: он или еще не родился, или уже умер» (Агамбен цитирует «Лекции по эстетике» Г.Ф.В. Гегеля). Но это и наш стыд, стыд людей, которые не познали концлагерь и которые тем не менее присутствуют сами не зная как на этом матче, который повторяется в каждом матче наших стадионов, в каждой телевизионной трансляции, в каж-

дой ежедневной нормальности. Если мы не сможем понять этот матч и прекратить его, у нас не будет надежды.

Альтернатива Мариона между обвинением других и поиска причин в себе кажется здесь вдвойне нелепой. Заключение не могли ни освободиться от своей вины (чтобы выжить, нужно было почти всегда как-то «сотрудничать» с системой), ни отомстить тем, кто того в полной мере заслуживал и заслуживает. Даже если борьба «со всем миром» палачей – безнадежное дело, обозначивший самоубийством несогласие с миром не подчиняется логике мести, в противном случае не у него, а у нас нет надежды (я хочу подчеркнуть, что **мы** производим суд о другом).

Примо Леви кончает жизнь самоубийством. Случайный свидетель, его могло не быть. Самоубийство как презрение уродства мира и надежда на спасение. Что происходит с человеком в его субъективности, научившим нас ничтожности и спасению, должны спросить те, кого интересует Я и непреодолимая вечная, вечно воображаемая тюрьма – «жизнь».

Литература

1. *Агамбен Дж.* Что остается после Освенцима? – М.: Европа, 2012. – 192 с.
2. *Бланио М.* Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – 288 с.
3. *Вейль С.* Из «Тетрадей» // Вейль С. Формы неявной любви к Богу. – СПб.: Свое издательство, 2012. – С. 143–144.
4. *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990.
6. *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. – СПб: Наука, 2013. – С. 657–716.
7. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. – М.: Академический проект, 2012. – 160 с.
8. *Леви П.* Канувшие и спасенные. – М.: Новое издательство, 2010. – 196 с.
9. *Марион Ж.-Л.* Зло как оно есть // Точки. – 2006. – № 1–2. – С. 197–223.
10. *Хайдеггер М.* Поддачи // Герменей. Журнал философских переводов. – 2013. – № 1(5). – С. 84–128.
11. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? – М.: Академический проект, 2007. – 304 с.

ON THE (IM)POSSIBILITY OF SELF-MURDER THROUGHOUT THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES

K.A. Rodin

Tomsk State University

rodin.kir@gmail.com

In the paper the author deconstructs the arguments against suicide which were put forward by several European philosophers. Some key concepts of Hegel, Schopenhauer and Kierkegaard are considered within the theme of suicide (im)possibility. The author reveals their basis – new European metaphysics of subjectivity and explores this phenomenon in modern Catholic theology (giving Jean-Luc Marion as an example) and offers for consideration a different understanding of the same notions in the works of Wittgenstein and Primo Levi.

Hegel defines subjectivity as something negative, which is generated by negation of directly given and comes as a result of such negation. Recognition of the negativity and awareness of our mortality determine the concealed run of human history. So Hegel put forward an argument against suicide in

the following way: suicide in some sense is impossible because suicide denies and negates the power of negation which has already produced subjectivity, that means – produced the possibility of such denial (negation). This suicide impossibility paradox can be found throughout various contexts as well as in Schopenhauer's and Kierkegaard's philosophy. Instead of pointless negation of the negative power of a subjectivity we have to convert it into citizenship, state and general acceptance (Hegel), abandonment or our human will (Schopenhauer) and taking a pose of prayerful intercession before God (Kierkegaard). While suicide is a kind of fruitless application of negativity. For suicide banning namely the metaphysics of subjectivity is responsible which also defines the above-listed philosophical concepts. Nowadays we can use another approach to a problem. Suicide is considered through inaccessible radical experience of the Other who is thought to be outside the framework of a new European subject.

Keywords: self-murder, negativity, despair, revenge, subjectivity.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-1.1-67-75

References

1. Agamben G. *Что остаётся после Освенцима* [Remnants of Auschwitz]. Moscow: Europa Publ., 2012.
2. Blanchot M. *Prostranstvo literatury* [The Space of Literature]. Moscow: Logos Publ., 2002.
3. Weil S. Из «Tetradey» [From the Notebooks]. *Formy nejavnoj ljubvi k Bogu* [Forms of Latent Love for God]. St.Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2012. P. 143–144.
4. Wittgenstein L. *Dnevnik 1914-1916* [Notebooks 1914-1916]. Moscow: Kanon+ Publ., 2009.
5. Hegel G.W.F. *Filosofija prava* [Elements or the Philosophy of Right]. Moscow: Mysl' Publ., 1990.
6. Kojève A. *Ideja smerti v filosofii Gegelja* [The Idea of Death in the Philosophy of Hegel]. *Vvedenie v chtenie Gegelja* [Introduction to the Reading of Hegel]. St.Petersburg: Nauka Publ., 2013. – P. 657–716.
7. Kierkegaard S. *Bolezni' k smerti* [The Sickness Unto Death]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2012.
8. Levi P. *Kanushie i spasennye* [The Drowned and the Saved]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2010.
9. Marion J.-L. *Zlo kak ono est'* [Evil as it is]. *Tochki*. Moscow, 2006. № 1-2. P. 197–223.
10. Heidegger M. *Podachi* [Services]. *Germeneja. Zhurnal filosofskih perevodov*. 2013. № 1(5). P. 84–128.
11. Heidegger M. *Что takoe metafizika* [What is Metaphysics]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2007.